

На правах рукописи

КЛИМОВА Марина Олеговна

**ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ
С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ**

19.00.13 – психология развития, акмеология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
психологических наук

Челябинск – 2017

Работа выполнена на кафедре психологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Челябинский государственный университет»

Научный руководитель: **Циринг Диана Александровна** – доктор психологических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Официальные оппоненты: **Куфтяк Елена Владимировна** – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет».

Нухова Марина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы».

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «**Пермский государственный национальный исследовательский университет**»

Защита состоится 28 июня 2018 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета Д 002.016.03 на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии Российской академии наук (ИП РАН) по адресу: 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИП РАН и на сайте <http://ipras.ru>.

Автореферат разослан «___» апреля 2018 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 002.016.03
кандидат психологических наук

Никитина Е.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В настоящее время существует глубокое противоречие между актуальными социальными условиями формирования личности человека и теми требованиями, которые накладывает на него общество. С одной стороны, усиливающиеся процессы глобализации и информатизации, ускоряющийся темп жизни в целом, высокий уровень индивидуализации западной культуры, требуют от современного человека высокой эффективности, способности организовывать и регулировать свою деятельность, рационально задействовать свои ресурсы. С другой стороны, нестабильная социально-экономическая ситуация в стране, напряженные внешнеполитические отношения оказывают большое влияние на формирование личности граждан. Люди сталкиваются с негативными ситуациями, которые оказывают существенное влияние на их жизнь, но при этом не могут своими силами изменить ситуацию и предсказать ход ее развития. Особенно важно, что подверженными этим воздействиям оказываются не только взрослые люди, но и дети, подростки. В совокупности с другими факторами эти события способствуют формированию такой системной характеристики как личностная беспомощность.

Личностная беспомощность выступает как системное качество, представляющее собой единство определенных личностных особенностей, определяющих низкую способность человека противостоять трудностям, преобразовывать действительность, становясь автором своего жизненного пути (Д. А. Циринг). Противоположным по своим характеристикам феноменом является самостоятельность. Личностная беспомощность и самостоятельность понимаются два полюса одного континуума, отражающего уровень развития человека как субъекта, при этом личностная беспомощность определяет низкий уровень субъектности, а самостоятельность – высокий.

Личностная беспомощность проявляется в различных сферах жизнедеятельности субъекта и связана с низким уровнем успешности деятельности (Е. В. Веденева, Е. В. Забелина, М. В. Овчинников), трудностями в социальном взаимодействии (Е. В. Забелина), склонностью к пассивному поведению (Д. А. Циринг). Самостоятельность, напротив, характеризуется успешностью деятельности и общения, активностью поведения (Д. А. Циринг, Ю. В. Яковлева). В этом контексте особый интерес приобретает вопрос регуляции поведения субъекта.

Стремительные изменения, ускоряющийся темп жизни современного общества делают актуальной проблему исследования не только личностных качеств, но и способности человека регулировать свое поведение, решать жизненные задачи, преодолевать трудности. Многие социальные и личностные проблемы связаны с нарушениями саморегуляции (различного рода зависимости, правонарушения, проблемы во взаимоотношениях с окружающими и т.д.). Особую актуальность этот вопрос приобретает в подростковом возрасте – периоде бурных физиологических и психологических изменений. На данном этапе совершаются существенные трансформации личности субъекта. Подростковый возраст связан с появлением чувства взрослости, возникновением жизненного плана, временной перспективы будущего, подросток становится субъектом своей жизни, способным к самопроектированию в ней (Н. Н. Толстых). Развитие системы регуляции поведения в подростковом возрасте во многом определяет способность субъекта к преодолению жизненных трудностей, общий уровень благополучия личности на последующих возрастных этапах.

Несмотря на актуальность обозначенных проблем, в науке до сих пор не уделялось достаточное внимание изучению вопроса особенностей и механизмов регуляции поведения субъектов с признаками личностной беспомощности.

Степень разработанности проблемы исследования. В зарубежной психологии проблема беспомощности в большей или меньшей степени затрагивалась в рамках различных психологических теорий. В психоанализе беспомощность рассматривается как

результат раннего психотравматического опыта, как следствие нарушения семейных взаимоотношений (А. Адлер, З. Фрейд, Д. Винникот, С. Фрайберг). В экзистенциальной психологии беспомощность связывается с неспособностью принятия ответственности, принятия трудной жизненной ситуации, трудностями в осознании смысла жизни (Р. Мэй, В. Франкл, Л. Бисвангер). С точки зрения гуманистического направления, переживание беспомощности связано с существенными расхождениями в самооценке между реальным и идеальным образами «Я», конфликтом индивидуальных потребностей, которые переживает субъект, с требованиями и ожиданиями, которые накладывает на него общество (Э. Фромм, К. Роджерс, А. Маслоу). Наиболее системно и полно в зарубежной психологии проблема беспомощности изучена в рамках теории «выученной беспомощности», где она рассматривается как состояние, возникающее в результате воздействия неподконтрольных негативным событиям, которое сопровождается пассивностью в поведении и отсутствием попыток изменить ситуацию (М. Селигман, Б. Овермайер, С. Майер, Д. Хирото, Дж. Тисдейл, Л. Абрамсон, Г. Металски и др.).

В отечественной психологии проблема беспомощности рассматривается в контексте изучения таких феноменов как мотивация достижения, (Т. О. Гордеева, М. М. Далгатова, Н. Т. Магомедова), поисковая активность (В. С. Ротенберг), сопротивляемость (Н. И. Дунаева, Л. А. Гаязова, И. Сербан), копинг-поведение (Р. М. Грановская, И. М. Никольская, А. И. Ковылин, В. А. Кубасов), выученная беспомощность изучается как профессиональная деформация (И. В. Девятковская, Э. Э. Сыманюк), исследуется взаимосвязь аддиктивного поведения и выученной беспомощности (Е. С. Глухова, Э. А. Щеглова), связь выученной беспомощности с успеваемостью у школьников (Е. И. Медведская).

Наиболее разработанной теорией, изучающей проблему беспомощности, является концепция личностной беспомощности (Д. А. Циринг, Е. В. Веденева, Е. В. Забелина, И. В. Пономарева, М. В. Овчинников, Ю. В. Яковлева и др.). В рамках данной концепции изучены психологическое содержание и структура личностной беспомощности (Д. А. Циринг, Е. В. Веденева, Е. А. Евстафеева), мотивационные аспекты беспомощности и ее связь с успешностью деятельности (Е. В. Веденева), личностная беспомощность в структуре интегральной индивидуальности и ее связь с коммуникативной активностью (Е. В. Забелина), связь личностной беспомощности и правосознания (Е. А. Евстафеева, В. С. Красник), функции и типы личностной беспомощности (И. В. Пономарева), роль средовых факторов в формировании личностной беспомощности (И. В. Пономарева, Д. А. Циринг), рассмотрен противоположный беспомощности феномен самостоятельности, изучены его содержание и структура (Ю. В. Яковлева). Одним из основных компонентов в структуре личностной беспомощности выступает волевой компонент. Традиционно воля рассматривается как способность к саморегуляции и самодетерминации. Воля позволяет человека стать свободным от внешних обстоятельств и вопреки импульсивным побуждениям и аффектам, регулировать свое поведение, направлять его на достижение сознательно поставленной цели. Так как личностная беспомощность проявляется в покорном подчинении происходящему, именно недостаток волевой активности представляется одной из наиболее важных ее составляющих. Волевой компонент представлен определенными особенностями волевой сферы личности, проявляющимися в низкой способности к волевой регуляции поведения.

Проблема регуляции поведения занимает одно из ведущих мест в современной психологии и изучается многими зарубежными и отечественными психологами (О. А. Конопкин, А. К. Осницкий, В. И. Моросанова, Л. Г. Дикая, А. О. Прохоров, Д. А. Леонтьев, Л. Пулккинен и др.). Существует ряд подходов к изучению регуляции поведения: структурно-функциональный подход (О. А. Конопкин, В. И. Моросанова, А. К. Осницкий), концепция саморегуляции функциональных состояний (Л. Г. Дикая), концепция смысловой регуляции психических состояний (А. О. Прохоров), концепция контроля за действием (Ю. Куль), теория саморегулирования (А. В. Круглански) и др.

Многие авторы, исследуя проблему саморегуляции, фокусируются в большей степени на отдельных ее аспектах, в частности, на когнитивных механизмах регуляции поведения (В. И. Моросанова), эмоциональной регуляции (И. М. Никольская), волевой регуляции поведения (Ю. Куль, Л. М. Веккер, В. К. Калинин).

Наряду с обозначенными подходами сформировалась концепция контроля поведения как регулятивной функции субъекта, интегрирующей индивидуальные психические ресурсы саморегуляции (Е. А. Сергиенко). В рамках данного направления проведен ряд исследований (Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская, Ю. В. Ковалева, И. И. Ветрова, Е. В. Рязанцева и др.), изучены особенности контроля поведения в трудных жизненных ситуациях, развитие контроля поведения в раннем онтогенезе человека и подростковом возрасте, изучена связь контроля поведения и агрессивного поведения подростков. Контроль поведения представляет собой психологический уровень регуляции, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека (когнитивные, эмоциональные, волевые), обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей, и являющийся основой самоконтроля (Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская, Ю. В. Ковалева). Методологической основой концепции контроля поведения является системно-субъектный подход (Е. А. Сергиенко), в контексте которого контроль поведения понимается как одна из функций субъекта (регулятивная), реализуемая наряду с коммуникативной и когнитивной функциями. Субъект понимается как системообразующий фактор контроля поведения, при этом индивидуальные особенности и уровень развития контроля поведения определяется уровнем развития человека как субъекта.

В рамках системно-субъектного подхода личность рассматривается как стержневая структура субъекта, которая определяет направление его саморазвития, обуславливает особенности реализации функций субъекта (регулятивной, когнитивной, коммуникативной). В системе «личность – субъект» личность представляет собой некое командное, направляющее звено. Исходя из данного положения, мы предполагаем, что личностная беспомощность, являясь структурным образованием личности, определяющим уровень субъектности, связана с качеством реализации регулятивной функции субъекта. Личностная беспомощность, представляя собой системное качество, объединяющее особенности когнитивной, мотивационной, эмоциональной и волевой сферы личности, связана с особенностями индивидуальных ресурсов, на основе которых реализуется регуляция поведения субъекта. Такое понимание позволит получить более полное представление о связи личности и субъекта, как разных уровней организации человека, связи устойчивых личностных характеристик с особенностями поведения и деятельности.

Основная гипотеза исследования

Структура и уровень контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью различны.

Частные гипотезы эмпирического исследования:

1. Существует взаимосвязь личностной беспомощности и отдельных ее компонентов с показателями контроля поведения у подростков.
2. Уровень развития компонентов контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью ниже, чем у подростков с самостоятельностью.
3. Существуют структурные особенности контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью.
4. Существуют различия в показателях волевой саморегуляции и сформированности волевых качеств личности у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью.

Цель исследования: выявить особенности регуляции поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью.

Объектом исследования является личностная беспомощность у подростков.

Предмет исследования – регуляция поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью.

В соответствии с объектом, предметом, целью и гипотезами исследования были поставлены следующие **задачи**:

1. Провести теоретический анализ проблем личностной беспомощности и регуляции поведения в отечественной и зарубежной психологии.
2. Теоретически обосновать связь контроля поведения как субъектной регуляции с личностной беспомощностью.
3. Изучить взаимосвязь личностной беспомощности с контролем поведения.
4. Изучить уровень развития компонентов контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью.
5. Проанализировать структуру контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью.
6. Изучить особенности волевой саморегуляции и волевых качеств личности поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью.

Теоретико-методологическим основанием исследования выступили общеметодологические принципы отечественной психологии: принцип детерминизма (С. Л. Рубинштейн), принцип развития (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Л. И. Анцыферова), принцип системности Б. Ф. Ломов, П. К. Анохин, В. А. Барабанщиков, Е. А. Сергиенко и др.) и принцип субъекта (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, Е. А. Сергиенко).

Теоретическим основанием исследования личностной беспомощности являются положения субъектного подхода (К.А. Абульханова, А. В. Брушлинский, С. Л. Рубинштейн, Е. А. Сергиенко и др.), теория выученной беспомощности (М. Селигман, К. Петерсон, Дж. Овермайер, Д. Хирото, К. Двек и др.), концепция личностной беспомощности (Д. А. Циринг, Е. В. Веденева, Ю. В. Яковлева и др.).

Теоретической основой исследования регуляции поведения явились положения системно-субъектного подхода (Е. А. Сергиенко), теория контроля поведения (Е. А. Сергиенко, И. И. Ветрова, Г. А. Виленская), концепции воли В. А. Иванникова, В. И. Селиванова, С. Л. Рубинштейна.

Организация и методы исследования. Диссертационное исследование было реализовано в нескольких этапов: 2010 -2011 гг. – теоретический анализ проблемы исследования, изучение существующих подходов к ее пониманию, формулирование цели, гипотез исследования, постановка задач, определение понятийного аппарата исследования; 2012–2014 гг. – обобщение и систематизация теоретического материала по исследуемой проблеме, подготовка и организация эмпирического исследования, подбор и разработка необходимого психодиагностического инструментария, проведение эмпирического исследования; 2013–2017 гг. – обработка эмпирических данных, анализ и обобщение результатов исследования, оформление диссертационной работы.

Эмпирической базой исследования являлись муниципальные общеобразовательные учреждения средние общеобразовательные школы г. Челябинска, г. Копейска и п. Октябрьский Копейского района Челябинской области. Общий объем выборки исследования составил 296 человек. В исследовании приняли участие ученики 7-10 классов в возрасте от 13 до 16 лет.

Методами диссертационного исследования выступили теоретический анализ по исследуемой проблеме и эмпирические методы психологического исследования (метод тестирования), в частности: опросник стиля атрибуции подростков ОСТАП (М. Селигман, в адаптации Д. А. Циринг); «Шкала депрессии» в адаптации Т. И. Балашовой; опросник «Личностная шкала проявлений тревоги» Дж. Тейлора в адаптации Т. А. Немчинова и В. Г. Норакидзе; методика определения самооценки (С. А. Будасси), методика диагностики личностной беспомощности у подростков (М. О. Климова, Д. А. Циринг), опросник волевого самоконтроля (ВСК) А. Г. Зверкова и Е. В. Эйдмана, опросник «Выраженность

самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» Г. С. Никифорова, В. К. Васильева, С. В. Фирсова, методика «Самооценка силы воли» Н. Н. Обозова, опросник «Волевые качества личности» (ВКЛ) М. В. Чумакова, опросник «Стиль саморегуляции поведения – 98, ССП – 98» В. И. Моросановой; опросник «Эмоциональный интеллект» (SREIT) Н. Шутте, в переводе А. В. Садовой; опросник «Шкала контроля за действием» Ю. Куля.

Математическими методами обработки и анализа данных исследования выступили методы описательной статистики, непараметрические методы сравнения выборок, методы анализа нормальности распределения (непараметрический критерий Колмогорова-Смирнова, графики накопленных частот, критерии асимметрии и эксцесса), методы корреляционного анализа, многомерные методы анализа данных (факторный анализ). При анализе данных было использовано лицензионное программное обеспечение IBM SPSS Statistics 20.0.

Научная новизна исследования. Личностная беспомощность как системная личностная характеристика, определяющая уровень развития человека как субъекта, впервые рассматривается в контексте связи с особенностями реализации регуляторной функции субъекта. Подробно изучены особенности регуляции поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью: рассмотрена взаимосвязь личностной беспомощности и отдельных ее компонентов с показателями контроля поведения, выявлены особенности в проявлении компонентов контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью, изучены особенности структуры контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью, исследованы особенности волевой саморегуляции и волевых качеств личности у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью.

Теоретическая значимость исследования. Результаты исследования проясняют соотношение понятий «личность» и «субъект», раскрывая взаимосвязь личностных характеристик с особенностями реализации регулятивной функции субъекта. Также полученные в исследовании данные уточняют и расширяют положения концепции личностной беспомощности: раскрывается связь личностных особенностей, характеризующих личностную беспомощность, с регуляцией поведения субъекта.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при разработке программ профилактики коррекции личностной беспомощности у подростков, для разработки рекомендаций родителям и педагогам по развитию навыков регуляции поведения.

В рамках диссертационного исследования разработана методика диагностики личностной беспомощности у подростков (М. О. Климова, Д. А. Циринг), которая позволяет не только упростить процедуру диагностики данного феномена, но также выявить его внутреннее содержание, представленное соотношением структурных компонентов (когнитивного, мотивационного, эмоционального, волевого). Полученный психодиагностический инструментарий может быть использован в дальнейших эмпирических исследованиях, а также в ситуации индивидуальной психодиагностики в работе практических психологов.

На материалах диссертационного исследования могут быть основаны лекции в рамках курсов «Психология личности», «Психодиагностика», «Психология развития и возрастная психология», «Психология личностной беспомощности».

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивались непротиворечивостью исходных методологических положений, теоретическим анализом проблемы исследования, выбором методов и методик исследования, адекватных целям, задачам, объекту и предмету исследования, обеспечением репрезентативности выборки, применением методов математического анализа результатов исследования.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Личностная беспомощность как интегральный показатель и отдельные ее компоненты (когнитивный, мотивационный, эмоциональный, волевой) имеют взаимосвязи с компонентами контроля поведения (когнитивный контроль, эмоциональный контроль, волевой контроль).

2. У подростков с личностной беспомощностью когнитивный, эмоциональный, волевой контроль поведения сформирован в меньшей степени, чем у самостоятельных подростков.

3. Структурная организация контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью различается. Для подростков с самостоятельностью характерна целостность и зрелость конструкта контроля поведения. У подростков с личностной беспомощностью контроль поведения представляет собой структуру, компоненты которой в меньшей степени согласованы и взаимосвязаны.

4. Волевая саморегуляция деятельности у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью характеризуется рядом особенностей: для подростков с личностной беспомощностью характерны дефицит силы воли, низкий уровень волевого самоконтроля, низкий уровень развития волевых качеств; для самостоятельных подростков характерен более высокий уровень силы воли, высокий уровень волевого самоконтроля, высокий уровень развития волевых качеств личности.

Апробация и внедрение результатов исследования. Результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на заседаниях аттестационной комиссии отдела аспирантуры и докторантуры Челябинского государственного университета (2011 – 2014 гг.), заседаниях кафедры психологии Челябинского государственного университета (2013 – 2017 гг.), на Международном конгрессе по прикладной психологии (8-13 июля 2014 г., Париж, Франция), VII Международной научной конференции молодых ученых "Психология - наука будущего", (Москва, 14-15 ноября 2017 г.), III Международной научной конференции «Актуальные проблемы современной психологии» (Челябинск, 20-23 февраля 2015 г.), VII Сибирском психологическом форуме «Комплексные исследования человека: психология» (Всероссийская конференция, Томск, 28–29 ноября 2017 г.), XV Всероссийской научно-практической конференции «Дружининские чтения» (Сочи, 26—28 мая 2016 г.), V Съезде общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество» (Москва, 14-18 февраля 2012 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической психологии в современной России» (Челябинск, 26-27 октября 2011 г.). Данное исследование получило поддержку в виде грантов Российского фонда фундаментальных исследований (2017 г.), а также Фонда поддержки молодых ученых ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (2017 г.).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в себя 14 параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений. Текст рукописи иллюстрирован таблицами и рисунками. Работа изложена на 161 странице (без учета приложения) машинописного текста. Список литературы насчитывает 181 наименование, из них 25 – на английском языке. По материалам исследования опубликовано 17 работ, из них 4 – в изданиях, рекомендованных ВАК.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследования, определяются цель, объект, предмет исследования, формулируются задачи и гипотеза исследования, раскрывается научная новизна, обосновывается теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту, обосновывается достоверность полученных результатов, представляются данные об апробации результатов исследования и его структуре.

В первой главе «**Теоретические аспекты изучения особенностей регуляции поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью**» раскрываются теоретические основы исследования.

В параграфе 1.1. «**История изучения феномена беспомощности в отечественной и зарубежной психологии**» раскрывается понимание феномена беспомощности с точки зрения ряда классических психологических направлений, а также в рамках теории выученной беспомощности. В психоаналитическом подходе беспомощность рассматривается как врожденная характеристика, связанная с полной зависимостью младенца от матери (З. Фрейд, Ж. Лакан), как следствие переживания травматического опыта (З. Фрейд, А. Адлер). В экзистенциальном подходе беспомощность рассматривается в контексте проблем осмысления жизненных ситуаций, принятия ответственности, поиска и осознания смысла жизни (Л. Бинсвагер, Р. Мэй, В. Франкл) и связывается с дефицитом соответствующих качеств. В гуманистическом подходе состояние беспомощности связывается с особенностями самосознания, с переживанием невозможности соответствовать образу идеального Я (К. Роджерс), рассматривается как дефицитарная болезнь в контексте модели иерархии потребностей (А. Маслоу). Системное изучение и описание феномена беспомощности в зарубежной психологии начинается с 60-х гг. XX века в рамках теории выученной беспомощности, которая интерпретируется как психологическое состояние, возникающее в результате воздействия неконтролируемых событий и проявляющееся в пассивном поведении субъекта и отсутствии попыток избежать неблагоприятного воздействия (М. Селигман, Б. Овермайер, С. Майер, Д. Хирото, Дж. Тисдейл, Л. Абрамсон, Г. Металски и др.). Изначально обнаруженная в ходе изучения поведения животных, выученная беспомощность в дальнейшем была выявлена у людей и подробно исследована в естественных и лабораторных условиях (Д. Хирото, М. Селигман, В. Миллер, К. Двек, Дж. Тисдейл, Л. Абрамсон, Г. Металски и др.). Была обнаружена тесная взаимосвязь выученной беспомощности с особенностями атрибутивного стиля субъекта и депрессией.

В России проблема выученной беспомощности изучается в рамках нескольких направлений. В.С. Ротенберг исследует поисковую активность как явление, противоположное беспомощности, как активность, направленную на изменение ситуации или отношения к ней. М. М. Далгатов, Т. О. Гордеева, Н. Т. Магометова, рассматривают феномен беспомощности в рамках изучения мотивации достижения. Выученная беспомощность как переживание неподконтрольности результатов деятельности препятствует деятельности достижения и сказывается на выборе целей субъектом, уровне притязаний, а также проявляется в низкой настойчивости при преодолении трудностей. Изучается связь выученной беспомощности и атрибутивного стиля с успешностью учебной и профессиональной деятельности (М. М. Далгатов, Е. И. Медведская, И. В. Девятовская). В исследованиях И. В. Девятовской выученная беспомощность рассматривается как проявление профессиональной деструкции в педагогической деятельности, которая приводит к нарушениям мотивации деятельности, снижению профессиональной активности, разочарованию в профессии. М. М. Орлова, Д. В. Орлов, Г. П. Геранюшкина, О. Э. Афраимович указывают на взаимосвязь выученной беспомощности с защитными механизмами и копинг-стратегиями. При сформированном состоянии беспомощности характерно использование непродувтивных и ригидных психологических защит, а также совладание по пассивному типу.

Наиболее разработанной теорией, изучающей проблему беспомощности, является концепция личностной беспомощности, лежащая в основе настоящего диссертационного исследования (Д. А. Циринг, Е. В. Веденева, Е. В. Забелина, И. В. Пономарева, Е. А. Евстафеева, М. В. Овчинников, Ю. В. Яковлева и др.). В данной концепции отражено психологическое содержание, структура, факторы формирования личностной беспомощности как устойчивого психологического образования.

В параграфе 1.2. **«Проблема личностной беспомощности в психологии»** представлен анализ феномена беспомощности в рамках концепции личностной беспомощности (Д. А. Циринг). Концепция личностной беспомощности рассматривается как новый уровень осмысления феномена беспомощности не только как психологического состояния, но и как устойчивого личностного качества, которое обуславливает высокую подверженность человека состоянию беспомощности при столкновении с трудностями и проявляется в низкой способности человека преобразовывать действительность и управлять событиями своей жизни (Циринг, Д. А., 2010).

Концепция личностной беспомощности получила свое развитие в контексте субъектного подхода (А. В. Брушлинский, С. Л. Рубинштейн, Е. А. Сергиенко и др.), что позволило отразить связь личностных и субъектных характеристик и подойти к анализу исследуемого феномена более системно, выйти на более высокий уровень – уровень целостного исследования человека. В рамках данной концепции исследуется и противоположное беспомощности качество – самостоятельность. Личностная беспомощность и самостоятельность рассматриваются как два полюса одного континуума, определяющего уровень развития человека как субъекта, личностная беспомощность при этом сопряжена с низким уровнем субъектности, а самостоятельность – с высоким.

Личностная беспомощность и самостоятельность, выступая системными психологическими характеристиками, объединяют личностные качества, лежащие в различных сферах психики, что нашло отражение в структуре данных феноменов, которая включает в себя четыре компонента: когнитивный, мотивационный, эмоциональный, волевой (Д. А. Циринг, Ю. В. Яковлева).

Исследования, проведенные в рамках концепции личностной беспомощности, позволили выявить факторы, оказывающие влияние на ее формирование (Д. А. Циринг, И. В. Пономарева). Ведущую роль в формировании личностной беспомощности играют средовые факторы, которые представлены нарушениями семейных взаимоотношений, а также неподконтрольными для субъекта травмирующими событиями. В исследовании И. В. Пономаревой показано также, что нарушения семейных взаимоотношений ведут к формированию различных типов личностной беспомощности: манипулятивному, защитному и адаптивному.

Важным аспектом изучения личностной беспомощности и самостоятельности с позиций субъектного подхода выступает исследование поведения и деятельности субъекта. Самостоятельность в плане деятельности проявляется в высоком уровне ее успешности, в то время как личностная беспомощность связана с низкой успешностью деятельности. В исследовании Е. В. Веденеевой были показаны значимые различия в уровне успешности ведущей деятельности у беспомощных и самостоятельных субъектов на разных возрастных этапах. Влияние личностной беспомощности и самостоятельности на успешность деятельности изучалось также в контексте учебно-профессиональной и профессиональной деятельности (Д. А. Циринг, Е. В. Веденеева, Ю. В. Яковлева, Е. В. Забелина, М. В. Овчинников, И. А. Трушина, М. О. Крылова и др.), в частности, показана взаимосвязь личностной характеристики самостоятельности субъекта с успешностью научно-педагогической деятельности.

Таким образом, проблема беспомощности получила новое видение в рамках концепции личностной беспомощности и активно исследуется в русле данного направления. Беспомощность рассматривается уже не только как состояние, возникающее как реакция на неблагоприятные и неконтролируемые для субъекта события, но и как устойчивое образование личностного уровня (личностная беспомощность), что способствует более глубинному и детальному исследованию данного феномена.

Параграф 1.3. **«Проблема регуляции поведения в отечественной и зарубежной психологии»** посвящен анализу походов к пониманию механизмов регуляции поведения, сложившихся в отечественной и зарубежной психологии. Саморегуляция выступает необходимым условием взаимодействия организма с окружающей средой, и, как отмечает

С. Л. Рубинштейн, задействует практически все психические процессы, что обуславливает большое количество подходов к пониманию ее механизмов. В ходе анализа научных теорий регуляции, предложенных отечественными и зарубежными авторами, были выделены четыре основных подхода, отправной точкой в классификации которых выступили ключевые механизмы, обеспечивающие процесс регуляции.

В рамках первого, когнитивного, подхода, регуляция рассматривается как осознанный целенаправленный процесс, ведущую роль в котором играют когнитивные механизмы постановки цели, анализа условий и результатов деятельности (системно-функциональная модель саморегуляции О.А. Конопкина, теория регуляторного опыта А. К. Осницкого, концепции индивидуального стиля саморегуляции произвольной активности В. И. Моросановой, концепция исполнительных функций в зарубежной психологии). В рамках второго, личностного, подхода авторы изучают личностные механизмы регуляции поведения, осуществляемой с опорой на мотивационные образования, ценностные и смысловые конструкты: теории волевой регуляции поведения (Л. С. Выготский, Л. И. Божович, Б. Ф. Зейгарник, Д. Н. Узнадзе, В. А. Иванников и др.), теории ценностно-смысловой регуляции жизнедеятельности (Д. А. Леонтьев, А. О. Прохоров, А. С. Шаров, В. Я. Ядов). В рамках третьего, диспозиционного, подхода авторы, анализируя механизмы саморегуляции деятельности, выделяют некоторые личностные диспозиции, описывающие склонность человека к определенному типу регуляции поведения (теория саморегулирования А. В. Круглански, концепция контроля за действием Ю. Куля). В рамках отдельного подхода были объединены теории, которые рассматривают регуляцию с позиций системного анализа, выделяют в ней различные уровни, делают акцент как на произвольных, так и непроизвольных механизмах регуляции (К. А. Абульханова-Славская, Б. Ф. Ломов, Л. Г. Дикая, Л. М. Веккер).

Анализ выделенных подходов позволил подойти к пониманию регуляции поведения человека как организованной сложной многоуровневой системы, которая включает в себя как произвольные, так и непроизвольные уровни, как осознаваемые, так и неосознаваемые механизмы. Ведущую роль в жизнедеятельности человека играет произвольная регуляция, именно она формирует человека как субъекта, способного целенаправленно и произвольно инициировать и осуществлять деятельность, выбирать значимые для себя цели и достигать их. В осуществлении регулятивной функции субъекта задействованы множество механизмов, относящихся к разным уровням организации человека. На уровне субъекта деятельности к ним относятся когнитивные процессы, которые обеспечивают процессы постановки и удержания цели, планирования и программирования деятельности, оценки результатов деятельности и их сопоставления с желаемым состоянием, корректировки программ действия. На личностном уровне происходят процессы преобразования имеющихся побуждений, гармонизации мотивов, изменение отношения к имеющейся ситуации, преобразование смыслов, ориентация на собственные ценности и установки при выборе направления поведения. Саморегуляция позволяет личности реализовать себя в деятельности, но, с другой стороны, она несет в себе отпечаток личности, который проявляется как индивидуальные особенности саморегуляции, связанные с личностными характеристиками.

В параграфе 1.4. **«Контроль поведения как субъектная регуляция и его взаимосвязь с личностной беспомощностью»** представлен анализ феномена контроля поведения как психологического уровня регуляции и теоретическое обоснование его связи с личностной беспомощностью. Несмотря на многообразие теорий и подходов, посвященных проблеме регуляции поведения, многие из них концентрируются на отдельных аспектах данного процесса. Одной из современных теорий регуляции, в которой сделана попытка интегрировать ресурсы индивидуальности в рамках единого конструкта выступает концепция контроля поведения (Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская, Ю. В. Ковалева и др.). Контроль поведения представляет собой основу, на которой строится регуляторная деятельность человека и предполагает участие как осознаваемых, так и не

осознаваемых механизмов психической регуляции. Структура контроля поведения объединяет в себе три подсистемы, описывающие способность субъекта к реализации индивидуальных интеллектуальных, эмоциональных и волевых ресурсов при контроле внешних ситуаций и внутренних состояний. Таким образом, контроль поведения - это единая система, включающая три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль), которые основаны на ресурсах индивидуальности и интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции.

Индивидуальное своеобразие регуляции поведения субъекта формируется под влиянием генотип-средового взаимодействия, а уровень развития контроля поведения определяется уровнем развития человека как субъекта (Г. А. Виленская, Е. А. Сергиенко). Понимание личностной беспомощности как системной характеристики субъекта, представляющей собой единство определенных личностных особенностей, определяющих низкий уровень субъектности, позволило выдвинуть предположение о ее связи с особенностями контроля поведения. В рамках системно-субъектного подхода (Е. А. Сергиенко) личность рассматривается как стержневая структура субъекта, которая определяет направление его саморазвития, обуславливает особенности реализации функций субъекта (регулятивной, когнитивной, коммуникативной). В системе «личность – субъект» личность представляет собой некое командное, направляющее звено. Изучение субъектно-личностной организации человека, соотношение личностных особенностей и контроля поведения как субъектной регуляции проводится такими авторами как Т. С. Микова, Н. И. Колесникова, Г. А. Виленская, Н. С. Павлова и др. Исходя из данного положения, мы предполагаем, что личностная беспомощность, являясь структурным образованием личности, задает качество реализации регулятивной функции субъекта, представленной конструктом контроля поведения, являющегося основой саморегуляции человека. Личностная беспомощность предстает, таким образом, в качестве «внутренних условий» субъекта, которые, взаимодействуя с внешними условиями – обстоятельствами жизнедеятельности человека, проявляются в его деятельности и поведении, она, представляя собой системное качество, объединяющее особенности когнитивной, мотивационной, эмоциональной и волевой сферы личности, связана с особенностями индивидуальных ресурсов, на основе которых реализуется регуляция поведения субъекта.

В этой связи возникает ряд исследовательских задач, направленных на изучение контроля поведения у субъектов с личностной беспомощностью и самостоятельностью, его взаимосвязи с личностными особенностями, определяющими различные уровни субъектности, изучение индивидуального своеобразия системы контроля поведения у субъектов с различными личностными особенностями в рамках континуума «личностная беспомощность – самостоятельность». Решение обозначенных задач осуществлено в рамках данного диссертационного исследования.

Вторая глава **«Организация и методы исследования особенностей регуляции поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью»** включает шесть параграфов. Параграф 2.1. посвящен описанию организации исследования. Эмпирическое исследование проводилось в 2012-2014 гг. на базе муниципальных общеобразовательных учреждений средних общеобразовательных школ №15 и №53 г. Челябинска, № 13, № 38 г. Копейска, Октябрьской школы п. Октябрьский Копейского района Челябинской области. В нем приняло участие 296 учащихся 7 – 10 классов в возрасте от 13 до 16 лет. В параграфе 2.2. представлено описание методов исследования личностной беспомощности, раскрывается их содержание: методика «ОСТАП» (Опросник стиля атрибуции подростков) Д. А. Циринг; «Шкала депрессии» Т. И. Балашовой; «Личностная шкала проявлений тревоги» Дж. Тейлора, в адаптации Т. А. Немчинова, В. Г. Норакидзе; «Методика определения самооценки» С. А. Будасси. В параграфе 2.3. представлено описание методов исследования контроля поведения, используемых в данном исследовании: опросник «Стиль саморегуляции поведения – 98, ССП – 98» В. И. Моросановой; опросник «Эмоциональный интеллект» (SREIT) Н. Шутте, в переводе

А. В. Садовой; опросник «Шкала контроля за действием» Ю. Куля. Параграф 2.4. содержит описание методов исследования волевой саморегуляции, в частности методик «Опросник волевого самоконтроля (ВСК)» А. Г. Зверкова, Е. В. Эйдмана; «Выраженность самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» Г. С. Никифорова, В. К. Васильева, С. В. Фирсова; «Самооценка силы воли» Н. Н. Обозова; «Волевые качества личности» (ВКЛ) М. В. Чумакова. В параграфе 2.5. представлены методы математической обработки данных исследования, к ним относятся методы дескриптивной статистики, факторный анализ («Анализ главных компонент»), анализ надежности диагностического опросника (коэффициент α -Кронбаха), анализ нормальности статистического распределения (критерий Колмогорова-Смирнова), сравнительный анализ (непараметрический U-критерий Манна-Уитни), корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена).

Параграф 2.6. «**Описание процедуры разработки и апробации методики диагностики личностной беспомощности у подростков**» содержит описание опыта разработки диагностического инструментария для выявления личностной беспомощности у подростков, разработанного М. О. Климовой, Д. А. Циринг. Традиционно диагностика личностной беспомощности осуществлялась при помощи пакета, включающего 4 методики, что, с одной стороны, позволяло констатировать наличие / отсутствие личностной беспомощности, но не давало полной картины проявлений данного феномена у респондентов, с другой стороны, являлось трудоемким как для исследователя, так и для испытуемых. В связи с этим крайне актуальным был вопрос разработки специализированной методики диагностики личностной беспомощности, которая позволила бы не только выявлять личностную беспомощность / самостоятельность средствами одного опросника, но и раскрывать ее внутреннее содержание, анализируя проявления каждого из ее компонентов у испытуемых.

Теоретической основой методики послужили положения концепции личностной беспомощности Д. А. Циринг. Опросник включает 98 утверждений, разбитых на 4 шкалы в соответствии со структурой личностной беспомощности – шкалы «когнитивный компонент», «мотивационный компонент», «эмоциональный компонент» и «волевой компонент». Каждая из шкал, в свою очередь, включает ряд показателей, конкретизирующих содержание компонента. В ходе факторного анализа показателей методики были выделены четыре фактора, соответствующие по своему содержанию компонентам личностной беспомощности, доля объяснимой дисперсии составила 70,213%, таким образом была подтверждена возможность выделить в разработанной методике несколько отдельных шкал, описывающих компоненты личностной беспомощности. Опросник проверен на внутреннюю согласованность: значение коэффициента одномерной надежности α -Кронбаха составило 0,818, что говорит о высоком уровне внутренней согласованности пунктов методики; по шкале «мотивационный компонент» значение коэффициента α -Кронбаха составило 0,745; по шкале «когнитивный компонент» - 0,626; по шкале «эмоциональный интеллект» - 0,806; по шкале «волевой компонент» - 0,804, полученные данные позволяют судить о достаточном уровне внутренней согласованности шкал опросника.

Анализ надежности методики произведен методами половинного расщепления (показатель коэффициента корреляции половинного расщепления $r=0,856$, $p\leq 0,001$) и ретестовой надежности (значение коэффициента корреляции по данным методики при проведении ретеста через 16 недель составило $r=0,642$ при $p\leq 0,001$). В качестве критерия валидности опросника использовался показатель конкурентной валидности. Конкурентная валидность оценивалась по корреляции разработанного теста с методиками, традиционно используемыми для диагностики личностной беспомощности. Обнаружены значимые корреляции показателей методики с данными, полученными по методикам «Опросник стиля атрибуции подростков ОСТАП» Д. А. Циринг ($r=-0,571$; $p\leq 0,001$); «Шкала депрессии» в адаптации Т. И. Балашовой ($r=0,689$; $p\leq 0,001$); «Личностная шкала

проявлений тревоги» в адаптации Т. А. Немчинова, В. Г. Норакидзе ($r=0,789$; $p\leq 0,001$). Кроме этого, произведена процедура стандартизации методики. Полученные в ходе описанных процедур результаты позволяют говорить о том, что методика соответствует предъявляемым требованиям и может быть использована в качестве инструмента диагностики личностной беспомощности и самостоятельности у подростков.

В третьей главе диссертационного исследования **«Результаты эмпирического исследования особенностей регуляции поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью»** представлено описание полученных при верификации теоретических положений данных, их анализ и интерпретация.

В параграфе 3.1. **«Взаимосвязь личностной беспомощности с показателями контроля поведения у подростков»** представлены результаты корреляционного анализа компонентов личностной беспомощности с подсистемами контроля поведения. Корреляционный анализ показал, что личностная беспомощность имеет тесные взаимосвязи с показателями контроля поведения. Интегральный показатель личностной беспомощности имеет связи со следующими показателями контроля поведения: 1) в подсистеме «когнитивный контроль» – планирование ($r=-0,260$, $p=0,004$), моделирование ($r=-0,541$, $p\leq 0,001$), программирование ($r=-0,272$, $p=0,003$), оценка результата ($r=-0,457$, $p\leq 0,001$), гибкость ($r=-0,411$, $p\leq 0,001$), самостоятельность ($r=-0,432$, $p\leq 0,001$), общий уровень когнитивного контроля ($r=-0,429$, $p\leq 0,001$); 2) в подсистеме «эмоциональный контроль» – регулирование эмоций ($r=-0,280$, $p=0,002$), использование эмоций ($r=-0,227$, $p=0,011$); 3) в подсистеме «волевой контроль» – контроль за действием при неудаче ($r=-0,308$, $p\leq 0,001$), контроль за действием при планировании ($r=-0,420$, $p\leq 0,001$), контроль за действием при реализации ($r=-0,191$, $p=0,029$). Таким образом, общий уровень личностной беспомощности взаимосвязан со всеми показателями контроля поведения за исключением переменной «оценка и выражение эмоций» в рамках эмоционального контроля, которая не имеет связей ни с одним показателем личностной беспомощности. Это говорит о том, что способность оценивать собственные эмоции и эмоции других людей, выражать свои переживания адекватно складывающейся ситуации не зависит от личностных особенностей, характеризующих личностную беспомощность или самостоятельность.

Кроме того, обнаружены значимые взаимосвязи отдельных компонентов личностной беспомощности с показателями контроля поведения. Когнитивный компонент личностной беспомощности описывает устойчивые стилевые особенности когнитивной оценки происходящих событий, а также уровень продуктивности творческого мышления, он имеет обратную взаимосвязь с такими показателями контроля поведения как использование эмоций ($r=-0,128$, $p=0,027$), контроль за действием при неудаче ($r=-0,233$, $p=0,028$), контроль за действием при планировании ($r=-0,291$, $p=0,001$), моделирование ($r=-0,335$, $p\leq 0,001$), оценка результата ($r=-0,279$, $p=0,002$), гибкость ($r=-0,393$, $p\leq 0,001$), самостоятельность ($r=-0,201$, $p=0,024$), общий уровень когнитивного контроля ($r=-0,278$, $p=0,002$). Мотивационный компонент личностной беспомощности характеризуется такими личностными особенностями как экстернальность, низкий уровень притязаний, мотивация избегания неудач, неадекватная самооценка. Мотивационный компонент имеет обратные взаимосвязи с такими показателями волевого контроля как контроль за действием при неудаче ($r=-0,201$, $p=0,028$) и контроль за действием при планировании ($r=-0,360$, $p\leq 0,001$), а также со всеми показателями когнитивного контроля: планирование ($r=-0,271$, $p=0,003$), моделирование ($r=-0,454$, $p\leq 0,001$), программирование ($r=-0,281$, $p=0,002$), оценка результата ($r=-0,383$, $p=0,000$), гибкость ($r=-0,481$, $p\leq 0,001$), самостоятельность ($r=-0,228$, $p=0,012$), общий уровень когнитивного контроля ($r=-0,419$, $p\leq 0,001$). Под эмоциональным компонентом личностной беспомощности понимается сочетание таких характеристик как повышенная тревожность, склонность к депрессии, эмоциональная неустойчивость, астения. Он имеет взаимосвязи с такими показателями в рамках эмоционального контроля поведения как регулирование эмоций ($r=-0,243$, $p=0,006$), использование эмоций ($r=-0,211$, $p=0,018$); контроль за действием при неудаче ($r=-0,289$, $p=0,001$) и планировании ($r=-0,360$,

$p \leq 0,001$) (волевой контроль); планирование ($r = -0,218$, $p = 0,017$), моделирование ($r = -0,483$, $p \leq 0,001$), оценка результата ($r = -0,308$, $p = 0,001$), гибкость ($r = -0,228$, $p = 0,012$), общий уровень когнитивного контроля ($r = -0,302$, $p = 0,001$). Волевой компонент в структуре личностной беспомощности проявляется в таких особенностях как несамостоятельность, низкая настойчивость, низкое самообладание, нерешительность, робость. Он обнаруживает взаимосвязи со всеми показателями контроля поведения, кроме «оценки и выражения эмоций»: 1) в подсистеме «когнитивный контроль» – планирование ($r = -0,316$, $p \leq 0,001$), моделирование ($r = -0,532$, $p \leq 0,001$), программирование ($r = -0,316$, $p \leq 0,001$), оценка результата ($r = -0,466$, $p \leq 0,001$), гибкость ($r = -0,370$, $p \leq 0,001$), самостоятельность ($r = -0,370$, $p \leq 0,001$), общий уровень когнитивного контроля ($r = -0,466$, $p \leq 0,001$); 2) в подсистеме «эмоциональный контроль» – регулирование эмоций ($r = -0,318$, $p \leq 0,001$), использование эмоций ($r = -0,201$, $p = 0,024$); 3) в подсистеме «волевой контроль» – контроль за действием при неудаче ($r = -0,267$, $p = 0,002$), контроль за действием при планировании ($r = -0,413$, $p = 0,000$), контроль за действием при реализации ($r = -0,188$, $p = 0,032$).

Таким образом, когнитивные, мотивационные, эмоциональные, волевые особенности личности подростков, интегрированные в структуре личностной беспомощности, имеют тесные взаимосвязи с показателями эмоционального контроля, контроля за действием и когнитивного контроля в целостной системе субъектной регуляции поведения.

В параграфе 3.2. «Сравнительный анализ показателей контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью» представлены результаты сравнения показателей когнитивного, эмоционального и волевого контроля, образующих конструкт контроль поведения, у подростков с признаками личностной беспомощности и самостоятельности.

Когнитивный контроль у подростков с личностной беспомощностью по сравнению с самостоятельными подростками характеризуется менее сформированной способностью к планированию своих действий ($U = 251$, $p = 0,010$), осознанию и моделированию значимых условий реализации деятельности ($U = 97,5$, $p \leq 0,001$), подросткам с личностной беспомощностью сложнее разрабатывать программу действий и следовать ей ($U = 297$, $p = 0,015$), они менее адекватно оценивают собственные возможности и внешние условия реализации цели ($U = 186,5$, $p \leq 0,001$), при изменяющихся условиях они менее гибки ($U = 173,5$, $p \leq 0,001$), нуждаются во внешней поддержке, менее способны самостоятельно организовать свою деятельность ($U = 327,5$, $p = 0,033$), общий уровень когнитивного контроля у подростков с личностной беспомощностью ниже, чем у самостоятельных ($U = 190$, $p \leq 0,001$). При эмоциональном контроле подростки с личностной беспомощностью хуже контролируют и регулируют свои эмоции ($U = 296,5$, $p = 0,015$), менее способны к их использованию для достижения цели ($U = 316,5$, $p = 0,032$). Волевой контроль характеризуется большей ориентацией на состояние, чем на действие, как при неудаче ($U = 279,5$, $p = 0,004$), так и при планировании ($U = 239$, $p = 0,001$) и реализации ($U = 297,5$, $p = 0,006$).

Самостоятельные подростки, напротив, обладают более сформированным когнитивным контролем: они успешнее планируют свою деятельность, эффективнее моделируют условия ее реализации, адекватнее оценивают собственные возможности и внешние обстоятельства, связанные с реализацией действий, способны проявить большую гибкость в случае непредвиденного изменения условий, проявляют большую независимость в процессе планирования, программирования, оценки и реализации деятельности. Эмоциональный контроль поведения у них также более развит, им лучше дается регулирование и использование эмоций в деятельности. Волевой контроль самостоятельных подростков характеризуется ориентацией на действие, что приводит к большей эффективности.

В целом, результаты сравнительного анализа позволяют утверждать, что контроль поведения в меньшей степени сформирован у подростков с личностной беспомощностью,

характеризующихся низким уровнем субъектности, чем у подростков с самостоятельностью, обладающих более высоким уровнем субъектности, что подтверждает предположения, выдвинутые в ходе теоретического анализа проблемы диссертационного исследования.

Параграф 3.3. «Структура контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью» посвящен результатам исследования корреляционных структур контроля поведения и сопоставления уровней сформированности контроля поведения как целостной системы у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью.

Для более точного понимания структуры контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью, был проведен корреляционный анализ его компонентов у исследуемых групп. Кроме того, был проведен анализ структуры контроля поведения как целостной системы по методике А. В. Карпова. Данная методика позволяет рассчитать индексы когерентности, дифференцированности, организованности структуры, провести анализ гомогенности / гетерогенности структуры и оценить функциональную роль компонентов исследуемой структуры.

По результатам корреляционного анализа была построена корреляционная плеяда, которая позволяет более наглядно представить количество и силу взаимосвязей как между отдельными составляющими контроля поведения, так и внутри каждого компонента. Корреляционная плеяда, полученная при анализе контроля поведения в группе подростков с самостоятельностью представлена на рисунке 1.

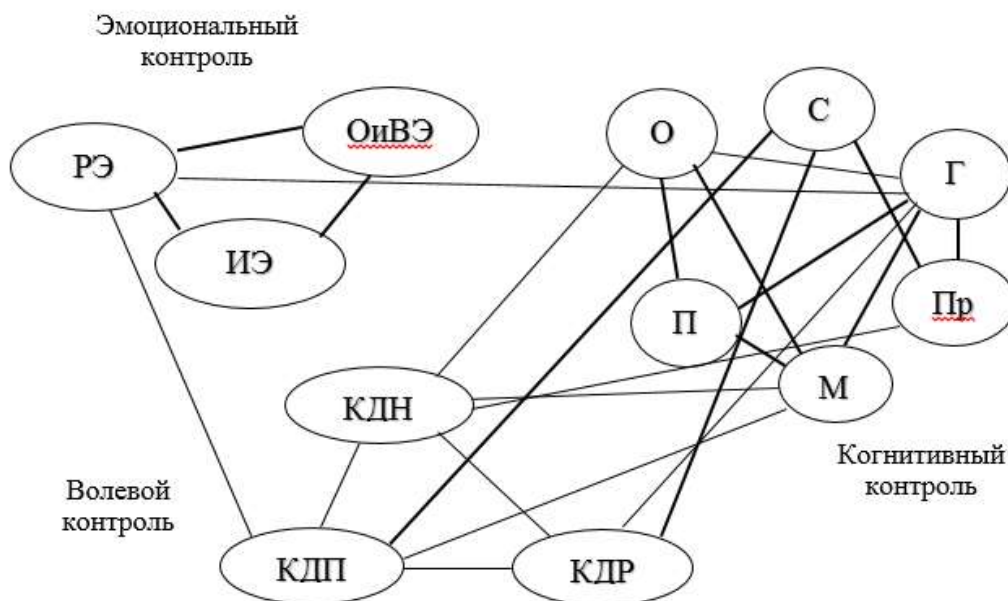

Рис. 1. Взаимосвязи компонентов контроля поведения у самостоятельных подростков

РЭ – регулирование эмоций, ОиВЭ – оценка и выражение эмоций, ИЭ – использование эмоций, КДН – контроль за действием при неудаче, КДП – контроль за действием при планировании, КДР – контроль за действием при реализации, П – планирование, М – моделирование, Пр – программирование, Г – гибкость, С – самостоятельность, О – оценка результата.

— - положительная корреляция на уровне значимости $p \leq 0,05$
 — - положительная корреляция на уровне значимости $p \leq 0,01$

Корреляционный анализ показал, внутри отдельных компонентов контроля поведения показатели тесно коррелируют между собой. Все показатели эмоционального контроля («оценка и выражение эмоций», «регулирование эмоций», «использование эмоций») обнаруживают взаимосвязи между собой на высоком уровне значимости ($p \leq 0,01$). Составляющие волевого контроля («контроль за действием при неудаче», «контроль за

действием при планировании», «контроль за действием при реализации») у самостоятельных подростков имеют положительные внутренние корреляции на уровне значимости $p \leq 0,05$. Показатель когнитивного контроля «планирование» взаимосвязан с «моделированием», «гибкостью», «оценкой результата» при $p \leq 0,01$; показатель «моделирование» связан с «планированием», «оценкой результата» и «гибкостью» при $p \leq 0,01$; «программирование» имеет связи с «самостоятельностью» и «гибкостью» при $p \leq 0,01$, кроме этого «гибкость» обнаруживает взаимосвязь с показателем «оценка результата» на уровне $p \leq 0,05$.

Наибольший интерес представляют взаимосвязи между компонентами в структуре контроля поведения, которые позволяют судить о системности и целостности всего конструкта. У самостоятельных подростков более тесно взаимосвязанными компонентами оказались когнитивный и волевой контроль. Показатель «контроль за действием при неудаче» взаимосвязан с «моделированием», «программированием» и «оценкой результата» на уровне значимости $p \leq 0,05$. «Контроль за действием при планировании» также взаимосвязан с «моделированием» ($p \leq 0,05$), «самостоятельностью» ($p \leq 0,01$). «Контроль за действием при реализации» имеет взаимосвязи с показателями когнитивного контроля «самостоятельность» ($p \leq 0,01$) и «гибкость» ($p \leq 0,05$). Эмоциональный контроль не так тесно связан с другими компонентами контроля поведения. Связь эмоционального контроля с когнитивным и волевым контролем у самостоятельных подростков осуществляется через показатель «регулирование эмоций». Данный показатель связан с «контролем за действием при планировании» (волевой контроль) ($p \leq 0,05$) и «гибкостью» (когнитивный контроль) ($p \leq 0,05$). Как отмечает Е. А. Сергиенко, позитивные связи между регуляторными звеньями свидетельствуют о том, что личность обладает не только отдельными хорошо развитыми способностями по организации собственной активности, а целостным стилем регуляции, который включает систему взаимосвязанных, поддерживающих друг друга возможностей.

Анализ целостности выявленной структуры по методике А. В. Карпова показал, что у самостоятельных подростков, по сравнению с группой беспомощных подростков, обнаружен высокий индекс когерентности (ИКС=83) и организованности (ИОС=83) структуры контроля поведения. Это говорит о том, что данный конструкт представляет собой целостную, внутренне согласованную систему. Базовыми элементами в данной структуре выступают все показатели когнитивного контроля и показатель «регулирование эмоций» в эмоциональном контроле, это указывает на их ведущую роль в регуляции поведения самостоятельных подростков.

Корреляционная плеяда, полученная при анализе контроля поведения в группе подростков с личностной беспомощностью представлена на рисунке 2.

Корреляционный анализ внутри отдельных компонентов контроля поведения показал, что внутренние взаимосвязи присутствуют только в компоненте эмоционального контроля. Показатель «использование эмоций» коррелирует с «оценкой и выражением эмоций» и «регулированием эмоций» на уровне значимости $p \leq 0,05$. Внутри когнитивного контроля и волевого контроля связи между показателями отсутствуют.

В группе подростков с признаками беспомощности большая часть межкомпонентных связей приходится на долю эмоционального контроля. При этом здесь обнаружен ряд корреляций с показателем «оценка и выражение эмоций», чего не наблюдалось в группе самостоятельных подростков. Данная переменная имеет прямую взаимосвязь с «оценкой результата» ($p \leq 0,05$) и обратные взаимосвязи с показателями «контролем за действием при реализации» ($p \leq 0,05$), «контроль за действием при неудаче» ($p \leq 0,05$). Также в блоке эмоционального контроля обнаружены взаимосвязи показателя «использование эмоций» с переменными когнитивного контроля «гибкость» ($p \leq 0,01$) и «программирование» ($p \leq 0,05$). Взаимосвязь волевого контроля и когнитивного у подростков с беспомощностью осуществляется посредством показателей «контроль за действием при планировании» / «моделирование» ($p \leq 0,05$).

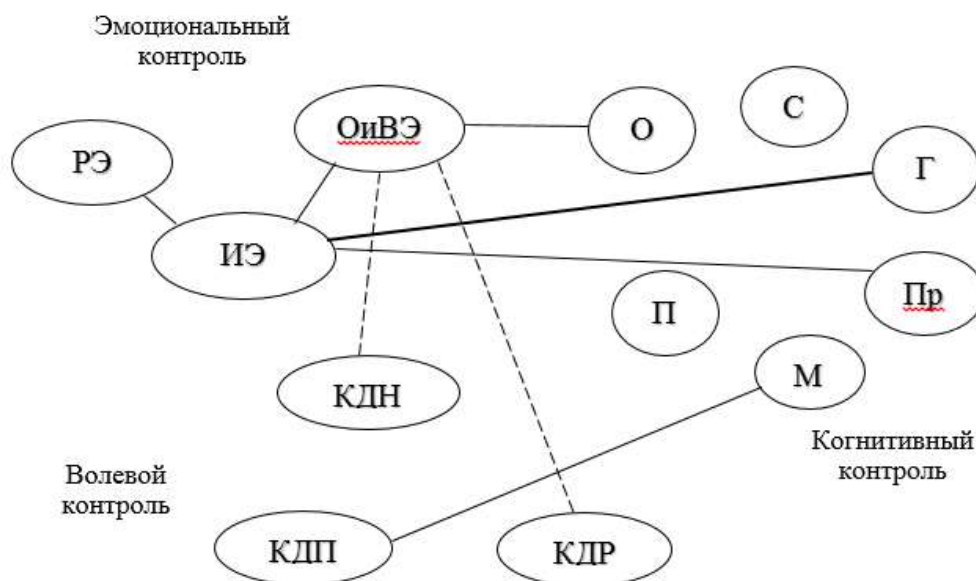

Рис. 2. Взаимосвязи компонентов контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью

РЭ – регулирование эмоций, ОиВЭ – оценка и выражение эмоций, ИЭ – использование эмоций, КДН – контроль за действием при неудаче, КДП – контроль за действием при планировании, КДР – контроль за действием при реализации, П – планирование, М – моделирование, Пр – программирование, Г – гибкость, С – самостоятельность, О – оценка результата.

— - положительная корреляция на уровне значимости $p \leq 0,05$

— - положительная корреляция на уровне значимости $p \leq 0,01$

- - - - - отрицательная корреляция на уровне значимости $p \leq 0,05$

У беспомощных подростков обнаружен более низкий индекс когерентности (ИКС=18) и организованности (ИОС=22) структуры контроля поведения, кроме этого, в данной группе, в отличие от группы самостоятельных, выявлена дифференцированность структуры (ИДС=4). Полученные данные говорят о том, что в группе беспомощных подростков контроль поведения представляет собой наименее сформированную и целостную структуру. Базовыми элементами в структуре контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью являются элементы эмоционального контроля «оценка и выражение эмоций» и «использование эмоций».

Результаты анализа взаимосвязей показателей контроля поведения у подростков с признаками личностной беспомощности позволяют говорить о том, что в данной группе испытуемых компоненты контроля поведения обладают наименьшей внутренней согласованностью: внутренние взаимосвязи имеет только блок эмоционального контроля, показатели внутри блоков когнитивного и волевого контроля не взаимосвязаны между собой, обнаружены обратные взаимосвязи между показателями эмоционального и волевого контроля. Между блоками контроля поведения корреляций обнаружено меньшее количество, чем у самостоятельных подростков, это говорит о том, что у подростков с личностной беспомощностью конструкт контроля поведения в целом является менее целостным и внутренне согласованным. Наибольшая часть взаимосвязей приходится на долю эмоционального контроля, с большей степени он связан с когнитивным контролем, чем с волевым, что указывает на ведущую роль эмоционального компонента в структуре контроля поведения у подростков с личностной беспомощностью.

Анализ гомогенности / гетерогенности структур контроля поведения у подростков с самостоятельностью и личностной беспомощностью указывает на их гетерогенность. Это говорит о том, что различия в структурах контроля поведения в выделенных группах подростков носят не только количественный, но и качественный характер – структуры

различаются не только по количеству внутренних связей, но и по степени влияния отдельных элементов структуры на ее функционирование.

Параграф 3.4. «Анализ результатов исследования волевой регуляции у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью» посвящен сравнительному анализу особенностей волевого самоконтроля и волевых качеств личности, характерных для подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью. Общая численность выборки на данном этапе исследования составила 152 человека, формирование групп происходило по данным методики диагностики личностной беспомощности у подростков М. О. Климовой, Д. А. Циринг. Диагностика позволила выявить подростков, для которых характерны признаки личностной беспомощности (N=38), самостоятельности (N=47) и промежуточные значения (N=67). В ходе проведенного исследования было обнаружено, что подростки с личностной беспомощностью характеризуются менее выраженной силой воли по сравнению с самостоятельными ровесниками ($U=275$, $p \leq 0,001$); общий уровень волевого самоконтроля у беспомощных подростков ниже, чем у самостоятельных ($U=202$, $p \leq 0,001$), при этом обнаружены различия как по показателю настойчивости ($U=126$, $p \leq 0,001$), так и по показателю самообладания в процессе волевого самоконтроля ($U=314,5$, $p=0,002$). Склонность к самоконтролю в процессе реализации различных видов деятельности у испытуемых с личностной беспомощностью также статистически достоверно ниже, чем у самостоятельных ($U=247$, $p \leq 0,001$). По показателям социальный самоконтроль и самоконтроль в эмоциональной сфере существенных различий в ходе исследования не обнаружено.

Сравнительный анализ волевых качеств личности также позволил выявить различия в степени их выраженности у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью. Подростки с личностной беспомощностью менее инициативны ($U=446,5$, $p=0,020$), решительны ($U=442,5$, $p=0,017$), самостоятельны ($U=353$, $p=0,001$), настойчивы ($U=356$, $p=0,002$), энергичны ($U=443,5$, $p=0,018$) и целеустремленны ($U=409,5$, $p=0,006$), чем самостоятельные подростки. Общий уровень сформированности волевых качеств у подростков с личностной беспомощностью ниже, чем у самостоятельных ($U=338$, $p \leq 0,001$). По показателям волевых качеств ответственности, выдержки и внимательности в сравниваемых группах различий не обнаружено.

В целом необходимо отметить, что выявленные различия в проявлениях волевой саморегуляции и волевых качеств личности у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью связаны с теми характеристиками, которые отвечают за целенаправленность деятельности и готовность доводить начатое дело до конца. Характеристики же, проявляющиеся во взаимодействии с другими людьми, касающиеся соблюдения норм и правил, дисциплинированности, такие как ответственность, социальный контроль, самоконтроль в эмоциональной сфере, не обнаружили существенных различий среди испытуемых с личностной беспомощностью и самостоятельностью. Полученные данные позволяют судить о том, что подростки с личностной беспомощностью имеют затруднения с проявлением волевых качеств в процессе осуществления деятельности, достижения цели, выдвижения новых инициатив. У них менее сформирована способность самостоятельно планировать и контролировать свою деятельность, использовать внутренние ресурсы для достижения намеченных планов.

Результаты выполненного исследования подтверждают выдвинутую гипотезу и позволяют сделать следующие **выводы**:

1. Личностная беспомощность и ее когнитивный, мотивационный, эмоциональный и волевой компоненты имеют тесные взаимосвязи с контролем поведения у подростков. Когнитивные, мотивационные, эмоциональные и волевые особенности, характерные для личностной беспомощности, сопряжены в процессе регуляции поведения с трудностями в создании ментальных моделей событий и их перестройки в случае необходимости, сложностями в управлении своими эмоциями и их использовании при

решении проблем, недостаточной способности организовывать собственное поведение для достижения поставленных целей и преодолевать препятствия.

2. Когнитивный контроль поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью имеет существенные различия. У подростков с личностной беспомощностью в меньшей степени сформированы процессы планирования, моделирования, программирования, оценки результата. Показатели гибкости и самостоятельности этих процессов также невысоки. У подростков с самостоятельностью наблюдаются противоположные особенности. В целом когнитивная саморегуляция поведения в меньшей степени сформирована у подростков с личностной беспомощностью, чем у подростков с самостоятельностью.

3. Эмоциональный контроль поведения у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью различается по показателям регулирования эмоций и их использования при решении проблем. Эти характеристики в большей степени развиты у самостоятельных подростков, чем у беспомощных. При этом способность к распознаванию эмоций других людей, оценке собственных эмоций и их выражению адекватно складывающимся обстоятельствам сформирована у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью в равной степени.

4. Волевой контроль поведения у подростков с личностной беспомощностью отличается ориентацией на состояние, а не на действие. При планировании деятельности, при осуществлении действий, а также при наличии возможных препятствий и неудачи в деятельности подростки с личностной беспомощностью отличаются склонностью к чрезмерному анализу, рефлексии, концентрации на переживаниях. Самостоятельные подростки, напротив, быстрее переходят к активным действиям по достижению цели, не концентрируясь на своем состоянии.

5. Структура контроля поведения у подростков с самостоятельностью характеризуется целостностью и сформированностью. Все компоненты контроля поведения у самостоятельных подростков взаимосвязаны между собой и представляют собой единую сеть когнитивных, эмоциональный и волевых процессов, совместное функционирование которых позволяет субъекту достаточно эффективно регулировать собственное поведение. Ведущим компонентом в структуре контроля поведения у самостоятельных подростков выступает когнитивный контроль.

6. В группе подростков с личностной беспомощностью компоненты контроля поведения обладают наименьшей внутренней согласованностью. Внутренние взаимосвязи имеет только блок эмоционального контроля, показатели внутри блоков когнитивного и волевого контроля не имеют взаимосвязей между собой, что говорит о их разрозненности. Эмоциональный и волевой контроль в группе подростков с признаками личностной беспомощности имеют обратные взаимосвязи, что подчеркивает отсутствие согласованности в работе системы регуляции поведения. В целом, у подростков с личностной беспомощностью конструкт контроля поведения является менее системным, внутренне несогласованным, менее зрелым.

7. У подростков с личностной беспомощностью, по сравнению с самостоятельными подростками, в меньшей степени сформированы характеристики волевой сферы, отвечающие за целенаправленность деятельности и способность доводить начатое дело до конца. Это проявляется в низких показателях силы воли, общего уровня волевого самоконтроля, низком уровне настойчивости и самообладания в процессе волевого самоконтроля, низких показателях самоконтроля как при планировании, так и при реализации деятельности. В отличие от самостоятельных подростков, для подростков с личностной беспомощностью характерна низкая сформированность таких волевых качеств личности как инициативность, решительность, самостоятельность, настойчивость, энергичность, целеустремленность.

8. Подростки с личностной беспомощностью и самостоятельностью в равной степени обладают способностью к самоконтролю в процессе межличностного и

межгруппового взаимодействия, у них в одинаковой мере сформированы такие волевые качества как ответственность, выдержка, внимательность.

Основное содержание исследования отражено в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобробразования РФ

1. Климова, М. О. Взаимосвязь личностной беспомощности с контролем поведения у подростков / М. О. Климова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2017. – Т.6. – № 4(21). – С. 283-287 (0,6 п. л.).
2. Климова, М. О. Диагностика личностной беспомощности у подростков: разработка и апробация психодиагностического инструментария / М. О. Климова, Д. А. Циринг // Сибирский психологический журнал. – 2017. – № 66. – С. 130–140 (0,6 п. л., авторский вклад 50%).
3. Крылова, М. О. Влияние самостоятельности на успешность научно-педагогической деятельности (субъектно-деятельностный подход) [Электронный ресурс] / Д. А. Циринг, Ю. В. Яковлева, М. О. Крылова // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 5. – Режим доступа: www.science-education.ru/105-7032 (0,3 п. л., авторский вклад 30%).
4. Крылова, М. О. Особенности волевого компонента личностной беспомощности и самостоятельности у аспирантов с разным уровнем профессиональной успешности / И. А. Трушина, М. В. Овчинников, М. О. Крылова // Психолого-педагогический поиск. – 2015. – № 2 (34). – С. 159-166 (0,7 п. л., авторский вклад 30%).

Статьи

5. Климова, М. О. Подходы к пониманию саморегуляции в отечественной и зарубежной психологии / М. О. Климова // Современные атрибуты теории и практики психологии и педагогики: сборник научных трудов, посвященный 20-летнему юбилею Факультета психологии и педагогики Челябинского государственного университета ; под общ. ред. С. А. Репина, И. В. Пономаревой. – Челябинск: Изд-во Печатный двор, 2017. – 269с. – С. 119-132 (0,6 п. л.).
6. Крылова, М. О. Волевой компонент в структуре личностной беспомощности [Электронный ресурс] / М. О. Крылова // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: сетевой журн. – 2014. – № 3 (6). Режим доступа: <http://humjournal.rzgm.ru/art&id=92> (0,4 п. л.).
7. Крылова, М. О. Особенности волевой сферы личности у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью / М. О. Крылова // Вестник Челябинского государственного университета, Серия «Психология и педагогика». – 2015, № 1. – С. 14-19 (0,5 п. л.).
8. Крылова, М. О. Эмоциональный компонент в структуре самостоятельности и его влияние на успешность научно-педагогической деятельности / А. С. Змеева, М. О. Крылова // Общественные науки. – 2012. – Вып.2. – С. 55-59 (0,2 п. л., авторский вклад 50%).
9. Klimova M., Regulative Function of a Subject with Personal Helplessness: a Theoretical Model of Research / M. Klimova, I. Ponomareva, Ya. Sizova // Eurasian Journal of Analytical Chemistry. – 2017/ – 12(7b). –P. 1491-1498 (0,8 п. л., авторский вклад 30%).

Материалы конференций

10. Климова, М. О. К проблеме воли в психологии / М. О. Климова // Научные материалы V Съезда общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество». – Москва. – 2012. – Т.1. – С. 446-447 (0,1 п. л.).
11. Климова, М. О. Особенности контроля поведения у подростков с личностной

- беспомощностью / М. О. Климова // Психология – наука будущего: Материалы VII Международной конференции молодых ученых "Психология - наука будущего", 14-15 ноября 2017 года, Москва ; под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – 998 с. – С. 360-363 (0,2 п. л.).
12. Климова, М. О. Особенности субъектной регуляции подростков с личностной беспомощностью / М. О. Климова // Личность в норме и патологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 20–21 апреля 2017 г., Челябинск ; под ред. М. В. Овчинникова. – Челябинск: Печатный двор, 2017. – 553 с. – С. 71-73 (0,2 п. л.).
13. Крылова, М. О. Волевой компонент личностной беспомощности как одной из детерминант деструктивного поведения сотрудников правоохранительных органов / М. О. Крылова // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической психологии в современной России». – Челябинск. – 2011. – С. 146-150 (0,2 п. л.).
14. Крылова, М. О. К вопросу диагностики личностной беспомощности / М. О. Крылова // «Современные инструменты управления человеческими ресурсами: теория и практика»: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию Челябинского государственного университета в рамках «Фестиваля науки и творчества ЧелГУ», г. Челябинск, 28 сентября 2016 г. – Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2016. – С. 57-60 (0,2 п. л.).
15. Крылова, М. О. Когнитивный аспект личностной беспомощности / И. В. Пономарева, М. О. Крылова // Современные методы в когнитивных науках: от гена – к поведению: материалы Всероссийской молодежной конференции в рамках фестиваля науки ; под ред. Ю.В. Сметановой. – Томск: Томский государственный университет. – 2012. – С. 94-98 (0,2 п. л., авторский вклад 50%).
16. Крылова, М. О. Опыт разработки методики диагностики личностной беспомощности у подростков / М. О. Крылова // Дружининские чтения: материалы XV Всерос. науч-практ. конф., г. Сочи, 26—28 мая 2016 г. ; под ред. И.Б. Шуванова, В.П. Шувановой, С.А. Барановой, Ю.Э. Макаревской – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2016. – 257 с. – С. 140-144 (0,2 п. л.).
17. Крылова, М. О. Современные исследования беспомощности / М. О. Крылова // Актуальные вопросы современной психологии. Материалы III Международной научной конференции. – Челябинск: Два комсомольца, 2015. – С. 4-6 (0,2 п. л.).